

ЛЕГКО ЧИТАЕМ ПО-ЯПОНСКИ

ОСАМУ ДАДЗАЙ
ИСПОВЕДЬ
«НЕПОЛНОЦЕННОГО»
ЧЕЛОВЕКА

Уровень 1

*Составление, подготовка текста,
перевод, словарь и упражнения*
Ольги Мозгуновой

под редакцией
Сэйдзи Хорино

Lingua

Издательство АСТ
Москва

УДК 811.521(075.4)
ББК 81.5Япо-93
Д14

Дадзай, Осаму.

Д14 Исповедь «неполноценного» человека. Уровень 1 = Ningen Shikkaku / сост., адаптация текста, перевод, словарь и упражнения О. С. Мозгуновой. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 192 с. — (Легко читаем по-японски).

ISBN 978-5-17-158242-5

Осаму Дадзай (1909–1948) — одна из самых трагических и вместе с тем значимых фигур японской литературы. Повесть «Исповедь "неполноценного" человека» — самое известное его произведение, считающееся шедевром не только японской, но и мировой литературы. Повесть написана в жанре «ватакуси-сёсэцу» («роман о себе») и рассказывает историю юноши по имени Ёдзо, который чувствует себя отчуждённым от окружающего мира и борется с внутренними демонами. Проникая в самые тёмные уголки человеческой души, Дадзай исследует темы одиночества, страха и поиска смысла в послевоенной Японии.

Повесть была экранизирована под одноименным названием, а также получила адаптацию в виде аниме-антологии «Классические истории» и полнометражного анимационного фильма «HUMAN LOST. Исповедь неполноценного человека».

Текст произведения адаптирован для начального уровня владения японским языком; в конце книги вы найдете упражнения и словарь.

Книга будет полезна всем, кто изучает японский язык.

УДК 811.521(075.4)
ББК 81.5Япо-93

人間失格 ИСПОВЕДЬ «НЕПОЛНОЦЕННОГО» ЧЕЛОВЕКА

はしがき

Предисловие

私は、その男の写真を三枚見たことがある。

Я видел три его фотографии.

一枚は、彼が十歳くらいの子供で、大勢の姉たち、妹たち、従姉妹たちに取りかこまれ、庭園の池の側に、荒布の袴を履き、首を左に大きく傾け、醜く笑っている写真である。けれども、美醜などに関心を持たない人たちは、「可愛いですね」と言うだろう。実際に、「可愛らしさ」こそその子供の笑顔にないわけではないからだ。しかし、美醜のことについて少しだけ知っている人なら、この写真を見てすぐ、「なんて、嫌な子供だ」と呟いて、早めにその写真をほうり投げてしまうかもしれない。

На одной ему примерно десять лет. Мальчик в полосатых хакама стоит в саду у пруда в окружении многочисленных сестер. Он сильно наклонил голову влево и скорчил безобразную улыбку. Те, кого не волнуют вопросы красоты и уродства, увидев фотографию, сказали бы: «Какой милый мальчик!». Его улыбка на самом деле не лишена некой «миловидности». Однако тот, кто хоть немного разбирается в прекрасном, едва взглянув на фото, пробормотал бы: «Какой неприятный ребенок» и поскорее отшвырнул бы фото прочь.

たしかに、その子供こどもの笑顔えがおは、よく見れば見るほど、
嫌いやな感じかんがする。それは、笑顔えがおではない。この子は、少し
も笑わらってはいないのだ。よく見ると、子は両方りょうほうの拳こぶしを固かた
握にぎっている。人間は、こぶしを固かた握にぎりながら笑わらえるもので
はないのである。猿だ。猿の笑顔えがおだ。ただ、顔かほに醜みにくい皺しわ
を寄よせているだけなのである。まことに奇き妙みょうな、けがらわ
しい表ひょう情じょうをした「皺しわくちや坊ぼうちゃん」の写しゃ真しんであつた。私
は、こんな不思議ふしぎな表ひょう情じょうの子こどもを見たことがなかつた。

И правда, чем дольше смотришь на улыбку мальчи-
ка, тем неприятнее становится. Но ведь это и не улыбка.
Он вовсе не улыбается. Если внимательно присмотреться,
можно заметить, что у ребенка сжаты кулачки. Люди ведь
не смеются, крепко сжав при этом кулаки. Ведь это точь-
в-точь мордочка обезьянки. Просто из-за уродливых
морщин кажется, что на ней улыбка, а не гримаса. Жут-
кое выражение лица «морщинистого малыша» на снимке
вызывает странное, тревожное чувство. Никогда я не ви-
дел ребенка со столь неприятным выражением лица.

第二だい枚まいの写しゃ真しんでは、彼かれの顔かほは全まったく変かわつていた。学生がくせいの
姿すがたである。高等こうとう学校がくこう時じ代だいの写しゃ真しんの寫しゃ真しんか、大だい学がく時じ代だいの写しゃ
真しんか、どうかは分わかからないけれど、おそろしく美うつくしい学生がくせいで
ある。しかし、不思議ふしぎにも、生いきている人ひと間かんの感かんじはしな
かつた。そうして、やはり笑わらっている。今いま回かいの彼かれはずっといい
笑えがお顔かほをしているが、しかし、人ひと間かんの笑わらいと違ちがう。それはま
るで、たせいだ生せい命めいの充じゅう実じつ感かんを感かんじていないようだつた。た
だ白まい紙し一枚まいのようにななり、そうして、笑わらっている。造つくり物ものの
感かんじなのである。しかも、よく見ていると、この学生がくせいにも、ど

こか怪談^{かいだん}みたい^{まい}気味悪い^{きまい}ことが感^{かん}ぜられて来るのである。
私は、こんな不思議^{ふしぎ}な美^{うつく}しい青年を見たことがなかった。

На второй фотографии мальчик выглядит совсем иначе. Он уже одет в форму: правда, сложно определить — школьную или студенческую. Лицо у молодого человека пугающе красивое. Но вот что странно: на фото он будто неживой. И снова эта улыбка. На этот раз она удается ему в разы лучше, да только эта улыбка и здесь какая-то нечеловеческая. Молодой человек улыбается так, словно не чувствует жизни вокруг себя, словно внутри у него зияет пустота. Все в нем какое-то искусственное. От него исходит нечто жуткое, прямо как от историй о призраках. Никогда я не видел юношу со столь странным лицом.

もう一枚^{まい}の写真は、最も変^{へん}なものである。年齢^{ねんれい}が、
ぜんぜん分からない。頭は白髪^{しら}のようである。それが、
汚^{きた}い部屋^への隅^{すみ}で、小さい火鉢^{ひばち}に手を温^{あた}め、こんど
は笑^{わら}っていない。どんな表^{ひょうじょう}情^{じょう}もない。自然^{しぜん}に死^しんでい
るような、まことにいまわしい写真^{へん}であった。変^{へん}なのは、
それだけでない。この顔^{とくちよう}は、特^{とくちよう}徴^{ひょうじょう}や表^{しぜん}情^{じょう}がないから、
印^{いんしょう}象^{ざん}を殘^{ざん}さない。たとえば、私^{わたし}がこの写真^{わす}を見て、目^めをつ
ぶる。すでに私はこの顔^{わす}を忘^{わす}れている。そうして、ただもう
嫌^{いや}な感^{かん}じで、目^めを背^{そむ}けたくなる。

Последняя фотография самая странная. Совершенно непонятно, сколько лет человеку, который на ней запечатлен. Он весь седой, сидит в углу грязной комнаты и греет руки над маленькой жаровней. Теперь он не улыбается. Его лицо совершенно ничего не выражает. Смотря на этот зловещий снимок, чувствуешь, что наблюдаешь за постепенно умирающим человеком. Но самое странное в другом. Лицо мужчины лишено каких-либо черт, оно вообще не отпечатывается в памяти. Стоит мне посмотреть на фото, а затем зажмурить глаза, как

я ничего не могу вспомнить. От этого становится не по себе и хочется быстрее отвести взгляд.

いわゆる「死相^{しそう}」と言うものだろうか、知らないが、私をぞっとさせるのだ。私はこれまで、こんな不思議^{ふしぎ}な男の顔を見たことがなかった。

Не знаю, может дело в «печати смерти» на его лице, может, именно она вызывает столь неприятное ощущение. Никогда я не видел мужчину со столь странным лицом.

第一の手記

Тетрадь первая

私は、恥の多い人生を送って来ました。

Я прожил жизнь, полную позора.

私には、「人間の生活」と言うものが何なのか分かりません。

Я так и не смог понять, что такое «человеческая жизнь».

私は、東北の田舎に生まれたので、汽車を初めて見たのは、大きくなってからです。かなり長い間、鉄道の高架は一種のアトラクションの様に思っていました。のちに旅客が、線路を安全に超えるために造られた会談に過ぎないのが分かり、そこで興味は失せました。

Я родился в деревне на северо-востоке страны и впервые увидел поезд, будучи уже взрослым. Железнодорожные эстакады казались мне своеобразным аттракционом, но почему-то довольно долго мне не приходило в голову, что это всего лишь мосты, созданные для безопасного перехода пассажиров через пути. После этого мой интерес к ним пропал.

また、私は子供の頃、絵本で地下鉄と言う物を見て、これもまた、地下の車に乗るのは楽しい遊びであって、実利的な理由からではないと思っていました。

Как-то раз в детстве я увидел в одной книжке картинку метрополитена и в очередной раз подумал, что ездить на поезде под землей — не простая необходимость, а веселое развлечение.

私は病気の間、(子供 の頃からよく病気になりましたが)寝ながら、敷布、枕 のカヴァ、掛蒲団のカヴァを見て、つまらない装飾だと思いました。二十歳になって、人間のつましさに、悲しい思いをしました。

Бывало, во время болезни (с детства я часто болел) я лежал в постели и, засыпая, рассматривал простыню, наволочку и пододеяльник и думал, какая скучная у них расцветка. Лет в двадцать я осознал, что сделано это опять же из практического удобства, и был опечален такой сухой человеческой расчетливостью.

私が裕福なに育ったという味ではなく、「空腹」の意味を知りませんでした。私は、それはもちろん、大いに物を食べますが、しかし、空腹感から、物を食べた記憶は、ほとんどありません。珍しいと思われた物を食べます。ただ、私にとって最も苦痛な時間は、実に、私の家の食事の時間でした。

Я не имел ни малейшего представления о том, что означает слово «голод», хотя дело вовсе не значит, что я вырос в семье, которая никогда ни в чем не нуждалась. Конечно, ем я не так уж мало, но не помню, чтобы когда-то делал это именно из-за чувства голода. Я ел то, что казалось мне необычным, экзотическим. А вот обеды в кругу семьи всегда были для меня тяжелым испытанием.

十人の家族が、ただ黙ってめしを食っていることに、私は、いつも気持ちが悪くなりました。それに田舎の昔気質の家でしたので、珍しい物は望みがなかったのです。私はその少し暗い屋に、寒さがたがた震える思いで口にごはんを少量ずつ運びました。人間は、どうして一日に三度ごはんを食べるのか、なぜみな厳粛な顔をして食べているのか、分かりませんでした。家中にいる靈に祈るた

めかもしれない。めしを食べないなら死ぬ、とよく言われた
言葉は、私の耳には、ただ嫌いやなおどかしとしか聞えませんでした。
した。しかし、その迷信めいしんは、それでも私に不安あたを与えました。

Мне делалось жутко от того, что все десять членов нашей семьи всякий раз трапезничали в полной тишине, не произнося ни слова. А поскольку трапезы эти проходили в провинциальном доме, где царили старомодные порядки, то и надежды попробовать здесь что-то изысканное — не было. Сидя в плохо освещенной комнате и дрожа от холода, я медленно жевал свой рис и никак не мог взять в толк, почему люди должны все три раза в день есть с такими суровыми лицами. Неужто это такой ритуал поклонения духам, живущим в нашем доме? Еще мне часто приходилось слышать «ешь рис, а то умрешь», хотя это суеверие звучало лишь как дурацкое запугивание, оно все равно вызывало у меня тревогу.

つまり私には、人間の生活せいかつと言うものが何も分からな
いということになりそうです。私の幸福こうふくの考えは、世のす
べての人たちの幸福こうふくの考えと、まるで違ちがうために、いつも
不安かんを感じました。私は、本ほん当とうに、幸福こうふくなのでしょうか。私
は、小さい時から、仕合せ者だと人に言われていましたが、
私にとっては地獄じごくだと思っていました。

Получалось, что я совсем ничего не понимаю в жизни людей. Я вечно пребывал в состоянии тревоги от того, что мое представление о счастье кардинально расходилось с представлениями всех вокруг. Счастлив ли я на самом деле? С детства мне твердили, что я счастливый человек, на самом же деле я ощущал себя, словно в аду.

私は隣人りんじんと、ほとんど会話ができません。周りの人の苦くる
しみの性質せいしつ、程度ていどが、まるで分からないのです。本ほん当とうの苦くる
しみ、ただ、飯かいけつを食べたらそれで解決かいけつできる苦くるしみは、最も

大きいかもしれません。しかし、皆^{みな}は苦しんでいないのか？ エ
ゴイストになり、一度も自分を疑ったことがないのではないか？

Общение с близкими дается мне очень тяжело. Я не
имел ни малейшего представления о характере и степени
их страданий. Так может, настоящее страдание — лишь
то, которое можно исцелить, просто набив себе живот?
Так может, и люди вокруг на самом деле не так сильно
страдают? Или они просто эгоисты, которые не способны
мыслить критически?

もしそうなら、人間は何も考えていないのではないで
しょうか。しかし、人間と言うものは、皆^{みな}そんなものではな
いかしら、分からない…考えれば考えるほど、私には、分か
らなくなり、私一人が全^{まった}く^{かわ}変っているような、不安な思い
があるばかりなのです。

Если мои предположения верны, то, выходит, все
вокруг живут беззаботно. Но неужели все люди такие?
Не знаю, но чем больше думаю об этом, тем меньше по-
нимаю, и тем сильнее становится мое беспокойство: не-
ужели я один — не такой как все.

そこで道化^{どうけ}になるという考えがありました。その
瞬^{しゅんかん}間^{かん}から、そうして私は、この道化^{どうけ}で人間につながること
ができたのでした。表^{ひょう}では、いつも笑^え顔^{がお}を作りながらも、
内^{ないしん}心^{ひっし}は必死^{ひっし}でした。

Так у меня возникла идея стать шутом. Через шутов-
ство я смог установить связь с обществом. С того момента
фальшивые улыбки не сходили с моего лица, хотя внутри
я был в отчаянии.

私は子供^{こども}の頃^{ころ}から、すでに道化^{どうけ}の上手^{うへ}になっていまし
た。時が進むにつれて、私は、一言^{ほんとう}も本^{ほん}当^{とう}のことを言わない
子^こになっていたのです。

Роль шута отлично удавалась мне с самого детства. Со временем я превратился в ребенка, который никогда не произносил ни слова правды.

その頃の、家族たちと一緒に写した写真などを見ると、
皆は真面目な顔をしているのに、私は一人、必ず奇妙に
顔をして笑っているのです。これもまた、道化でした。

Когда я смотрю на свои фотографии с семьей тех времен, выражения лиц у родных серьезные, я один неизменно странно улыбаюсь. Это тоже было притворством.

また私は、両親とも言い争いをしませんでした。ですから、私には、口喧嘩も言い開くこともできないのでした。彼らは私に「真理」を伝えようとしていることは間違いないでしょう。しかし、私には、その真理を受け入れる力もありませんでした。ですから、私が普通の人ではなく、人間と一緒に住めない、と思い込んでしまうのでした。

Более того, я никогда не спорил с родителями. Я не припирался, не старался себя оправдать. Напротив, я был уверен, что они пытаются донести мне общечеловеческие «истины», а у меня просто нет сил их принять. Вот я и вбил себе в голову, что нормальный человек из меня не вышел и уже не выйдет и что сосуществовать с людьми я просто не способен.

人間に対して、いつも恐怖を感じていました。私は、怒っている人間の顔に、獅子よりも鱈よりも竜よりも、もっと恐ろしい動物の本性を見るのです。この本性もまた人間の人生の部分の一つなのかもしれないと思えば、私はいつも髪が逆立つほどの恐怖を感じました。

Вообще я всегда боялся людей. В их разгневанных лицах я видел истинную звериную сущность челове-

ской природы, более страшную, чем львы, крокодилы или драконы. И мысль о том, что эта животная злоба является неотъемлемой частью их мира, ввергала меня в такой ужас, что волосы вставали дыбом.

家族を笑わせれば、私が「生活」の外にいても、あまりそれを気にしないのではないかしらというような思いばかりがありました。ですから、人間たちの目障りになってはいけないという思いが募りました。

Я заботился лишь о том, что если буду заставлять близких смеяться, то им, может, и не бросится в глаза, что я нахожусь вне их «мира». В общем, я четко осознал, что нужно просто не быть бельмом на глазу.

私は夏に、浴衣の下に赤い毛糸のセーターを着て廊下を歩き、家中の者を笑わせました。めったに笑わない兄も、それを見て思わず笑ってしまいました。

Летом, бывало, я специально надевал под юкату красный шерстяной свитер и так разгуливал по коридору, чтобы рассмешить домашних. Даже старший брат, который и улыбался - то нечасто, завидев меня, невольно начинал смеяться:

「それあ、葉ちゃん、似合わない」

— Ой, Ё-тян, ну ведь совсем не по погоде!

姉の脚絆を両手に嵌めて、浴衣の下にセーターを着ているように見せかけていたのです。

На самом деле я надевал на руки сестрины гетры, чтобы только казалось, будто под юкатой у меня свитер.

私の父は、東京から帰る時には家族の者たちに、多くの土産を買って来ました。父の上京の前夜、父は子供たちを座敷で集め、今度帰る時には、どんな土産がいいか、

それに対する子供^{たい}たちの答を書くのでした。父が、こんな
子供^{こども}たちと親しくするのは、珍^{めづら}しいことでした。

Отец, возвращаясь домой из столицы, привозил всем членам семьи много разных подарков. Накануне очередного отъезда в Токио он собирал детей в гостиной, спрашивал, какие гостинцы привезти, и все ответы записывал. Это было необычно для моего отца — быть с нами столь участливым.

「葉蔵^{ようぞう}は？」と聞かれて、私は、困^{こま}ってしまいました。

— Ёдзо, а ты что хочешь?

Спрашивал он меня, и я сразу потерялся.

私は、選^{せんたく}択の力さえなかったのです。どうでもいい、私を
楽しくさせてくれる物がないのだと言う思いがありました。
同時に、人から与^{あた}えられる物をどんなに気に入らなくても、
それを拒^{こば}むこともできませんでした。

Сделать выбор я был не в состоянии. Да и все равно нет таких подарков, которые могли бы меня порадовать. Но в то же время я не мог просто отказать, даже если подарок мне не нравился.

私が黙^{だま}って、父はちょっと不^{きげん}機嫌な顔になり、

Я молчал, отец начал хмуриться.

「たとえば、本か。ところで、浅^{あさくさ}草の店にお正月の
獅^し子舞^{しまい}のマスクが売ってい

けど、欲^ほしくないか」と言われると、もじもじしていた
のです。

— Ну что, может книгу? Кстати, я недавно в одном магазинчике в Асакусе увидел новогоднюю танцевальную маску льва, не хочешь такую?

Я снова замаялся.

「たしかに、本がいいでしょう」 兄は、真面目な顔をして言いました。

— Ему и правда лучше книгу.
С серьезным лицом заявил брат.

「そうか」 父は、ノートに何も書かず、びしやりとノートを閉じました。

— Ладно.

Отрезал отец и захлопнул тетрадь, так ничего и не записав.

私は、父がそのマスクを私に買って与えたいのだと言うことを分かりました。何と言う失敗、私は父を怒らせました。どうすれば直りますか。その夜、そっと起きて座敷に行き、父のノートを見つけて、パラパラめくって、土産の注文リストを見つけ、シシマイ、と書いて寝ました。

Я догадался, что отец просто хотел сделать мне подарок, а я взял и разозлил его. Какая это была ошибка! Как же я мог все исправить? Ночью я тихонько встал, дошел до гостиной, отыскал отцовскую тетрадку, пролистал страницы, нашел список подарков и приписал: маска льва. Только после этого я наконец смог уснуть.

やがて、父は東京から帰って来ました。

「おもちゃ屋で、このノートを開いてみたら、これ、ここに、シシマイ、と書いてある。これは、私の字ではない。これは、葉蔵ですよ。可笑しい子供ですからね。葉蔵を早くここへ呼びなさい」と母に大声で言いました。

Вскоре отец вернулся из Токио и громким голосом стал рассказывать матери:

— Представляешь, в магазине игрушек открываю свою тетрадку и вижу — прямо вот тут — написано: маска льва. А почерк-то не мой! Думаю, точно Ёдзо

постарался, чудной он у нас, конечно. Позови-ка его скорее сюда!

私は毎月、さまざまな本や少年の雑誌^{ざっし}などを十冊^{じゅうさつ}以上もとっていて、落語^{らくご}、江戸^{えど}こぼなし^{たぐい}などの類^{たぐい}にも、かなりよく知っていましたから、真面目^{まじめ}な顔をして、家の者たちを笑わせるチャンスを逃^{のが}しませんでした。

Каждый месяц я получал десятки разных новых книг и журналов для подростков, поэтому был хорошо знаком с юмористическими рассказами ракуго и эдокобанаси, поэтому не мог упустить случая с серьезной миной рассмешить обитателей дома новыми хохмами.

また一方、私は、下男^{げなん}や下女^{げじょ}たちを洋間に集めて、下男^{げなん}の一人にピアノのキイをたたかせ、(田舎^{いなか}でしたが、その家には、「たいていの物」がありました)私は、その馬鹿^{ばか}な曲^{きょく}に合せて、インディアンの踊^{おど}りを踊^{おど}って見せて、皆^{みな}を大笑^{おおわら}いさせました。

Вот еще случай. Как-то раз я собрал всех слуг и служанок в гостиной, обставленной в европейском стиле. Одного паренька заставил брэнчать на пианино (хоть мы и жили в сельской местности, в нашем доме было и такое, потому что все «как у людей»), а сам пустился под эту нелепую мелодию исполнять танец индейца. Зрители просто валились от хохота.

しかし、ああ、学校。私は、そこでは、尊敬^{そんけい}されかけていたのです。尊敬^{そんけい}されるということもまた、私をパニックにさせました。周りの人を欺^{まわ}いて、その内の誰^{あざむ}かがだまされたことに気づいたら、人間^{うち}たちの怒^{だれ}り、復讐^{いか}は、まあ、どんな^{ふくしゅう}なんでしょうか。

Но была еще (о, боги!) школа. Я даже пользовался там уважением. Хотя уважение это вгоняло в панику